

Оглавление

Введение	9
1. Размышление о мышлении	29
2. Сила дружелюбия	44
3. Наши давно утраченные братья и сестры	64
4. Одомашненные умы	81
5. Вечно молодые	104
6. Не совсем человек	129
7. Зловещая долина	149
8. Наивысшая свобода	177
9. Круг друзей	213
Благодарности	225
Об авторах	229
Примечания и список источников	231

1. Размышление о мышлении

КОГДА ВАМ БЫЛО ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ ОТ РОДУ, ДО ТОГО КАК НАЧАТЬ ХОДИТЬ и говорить, вы научились показывать пальцем. Конечно, тыкать пальцем вы могли с самого рождения, но именно в девять месяцев стали делать это осмысленно. Любопытный жест. Никто из животных так не делает, даже те, у кого есть руки.

Вы должны быть искусными в чтении чужих мыслей, чтобы понять, что означает этот указательный жест. В целом он значит: «Если вы посмотрите вот туда, то поймете, что я имею в виду»¹. Но если я вижу, что вы указываете на свою голову, возможных версий может оказаться множество. Вы ссылаетесь на себя? Вы говорите, что я не в своем уме? Я забыл надеть шапку? Указательный жест может относиться как к чему-то в будущем, так и к тому, что было раньше, но сейчас не существует.

До того как вам исполнилось девять месяцев, когда мама указывала на что-то пальцем, вы, скорее всего, смотрели в этом направлении. Когда вам исполнилось девять месяцев, вы начали выстраивать воображаемую линию, соединяющую палец и предмет, на который он указывает. К 16 месяцам вы

начали проверять, смотрит ли мама, и уже потом показывали, потому что вам было нужно ее внимание. К двухлетнему возрасту вы знали, что видят и полагают другие люди. Вы понимали случайные и преднамеренные действия. К четырем годам вы могли настолько умно предугадывать чужие мысли, что научились лгать. Также вы могли помочь обманутому².

Указательный жест является ключом к чтению чужих мыслей, к тому, что психологи называют «теория сознания»³. Вы проведете всю жизнь, догадываясь, что думают другие. Что означает прикосновение к вашей руке в темноте. Приподнятая бровь, когда вы входите в комнату. И всегда это будут только теории, потому что мы не можем знать наверняка, что у кого на уме. У остальных те же способности, что и у вас: они могут притворяться и лгать.

Теория сознания позволяет нам включиться в самое изощренное взаимодействие и коммуникацию на планете. Она важна почти для любой проблемы, с которой вы когда-либо столкнетесь. Эта теория позволяет путешествовать во времени и учиться у людей, которые жили сотни и даже тысячи лет до вас. Язык важен, но он почти бесполезен, если вы не понимаете, какими знаниями владеет аудитория. Вы можете преподавать, только если помните, каково это — не знать. Любой опыт, вовлекающий других людей, живых или умерших, реальных или воображаемых, опирается на теорию сознания — будь то выбор политической партии, за которую вы голосуете, религия, которую исповедуете, или спорт, которым занимаетесь.

Эта теория является солью вашего бытия. Без нее любовь напоминала бы только картонную фигурку любви, поскольку что есть любовь без волшебного знания о том, что кто-то разделяет ваши чувства?

Теория сознания — вы наслаждаетесь мгновениями, когда, увидев что-то, поворачиваетесь друг к другу и смеетесь. Это удовлетворение от способности закончить предложение, начатое другим, и покой, нисходящий на вас, когда вы молча держитесь за руки. Счастье слаще, если вы думаете, что ваши любимые люди тоже счастливы. Горе не так тяжело переносить, когда вы полагаете, что ушедший от вас человек гордился бы вами.

Также теория сознания является источником страданий. Ненависть вспыхивает ярче, если вы убеждены, что кто-то причинил вам вред преднамеренно. Предательство горче, когда вы можете пере-loпатить сотни воспоминаний о каждом мельчайшем жесте, который мог явиться вам предупреждением.

ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ ПОЗВОЛЯЕТ НАМ КОММУНИЦИРОВАТЬ: РАЗГОВАРИВАТЬ, ПОНИМАТЬ ВЗГЛЯДЫ И ЖЕСТЫ, РАЗДЕЛЯТЬ СЧАСТЬЕ И ГОРЕ.

Каждая эмоция усиливает призму, сквозь которую мы видим мир. И хотя мы «ощущаем» свои эмоции в груди, на кончиках пальцев и в утробе, они живут в нашем сознании и по большей части создаются на основе теорий сознания других людей.

БЕЗРАДОСТНЫЕ ДНИ

Моим самым близким другом в детстве был пес Орео. Родители подарили мне его в восемь лет, и он быстро вырос из щенка, умещавшегося в двух моих ладонях, в 15-килограммового лабрадора с волчьим аппетитом и жизнерадостным характером.

Теплыми вечерами мы сидели рядом на крыльце, он клал голову мне на колени. Меня никогда не смущало, что он не умеет разговаривать. Мне просто нравилось быть рядом с ним, и я размышляла, как выглядит мир его глазами.

Когда я поступил в колледж Университета Эмори, я обнаружил, что исследование сознания животных — серьезное научное направление. Я начал работать с Майком Томаселло, психологом и экспертом в теории детского сознания. Эксперименты Майка над младенцами увязывали ранние теории сознания младенцев с их способностями приобретать разные формы культуры, включая язык⁴.

Мы с Майком проработали вместе 10 лет, тестируя возможности теории сознания одного из самых близких родственников человека, живущего на Земле, — шимпанзе. До наших опытов не существовало экспериментальных доказательств того, что животные владеют теорией сознания. Однако наше исследование показало, что ответ еще более сложен.

Шимпанзе обладают некой способностью обозначать сознание других. В наших экспериментах мы выявили, что шимпанзе реально знали не только то, что другие видят, но и то, что другие знают, и могли угадать, о чем теоретически помнят другие, а также были способны понять чужие цели и намерения. Они даже понимали, когда кто-то лгал².

Тот факт, что шимпанзе могли выполнять все эти вещи, приводил к превратному выводу о том, на что они не способны. Шимпанзе умели сотрудничать. Они умели общаться. Но у них возникали трудности, когда они пытались делать все это одновременно. Майк велел мне спрятать кусочек еды под одной из чашек таким образом, чтобы шимпанзе знали, что я спрятал ее, но не знали где. Затем я пытался подсказать им правильный ответ, указывая на миску. В это почти невозможно поверить, но раз за разом шимпанзе игнорировали мой намекающий жест и пытались догадаться самостоятельно. У них начало получаться лишь через дюжины экспериментов. И если мы хотя бы чуть-чуть меняли жест, у них опять ничего не клеилось.

Сначала мы подумали, что шимпанзе испытывали затруднения с использованием жестов, потому что в наших тестах были какие-то нестыковки. Но шимпанзе, кажется, понимали наши намерения, когда речь шла о конкуренции, а не о сотрудничестве, поэтому мы осознали: в их неспособности понимать жесты мог скрываться какой-то смысл.

У человеческих младенцев эта способность подобна внезапно вспыхивающей искре, которая всегда загорается в раннем возрасте, примерно в одно и то же время и всегда до того, как мы можем говорить или использовать простейшие инструменты³. Простой жест, который мы начинаем применять в девять месяцев, — протягиваем руку и тычем указательным пальцем, наша способность повторять движение матери, указывающей на потерянную игрушку или летящую над нами красивую птичку, — для шимпанзе непонятен и невоспроизводим².

Звезда кооперативной связи, выпавшая из созвездия возможностей теории сознания шимпанзе, впервые появилась у людей^{5,6}. Эта способность возникает до того, как мы произносим свои первые слова или знаем собственное имя, до того, как мы понимаем, что другие могут грустить даже тогда, когда мы счастливы. С другой стороны, она возникает до того, как мы становимся способны совершать плохие поступки и глать о совершенном или осознаем, что человек, которого мы любим, может не разделять наши чувства.

Эта способность позволяет нам связываться с сознанием других людей. Это дверь в новый социально-культурный мир, где мы наследуем опыт поколений. Все, что в нас есть от *Homo sapiens*, начинается с этой звездной способности. И подобно многим ярким явлениям, она начинается обыденно: младенец начинает понимать намерения, скрытые за жестами родителей.

Если понимание этих совместных намерений является столпом развития всего человеческого, выявив, каким образом развивалась эта способность, мы сможем решить основную часть загадки эволюции человека.

Однажды обсуждая эту проблему с Майком, я выпалил:

— Я думаю, моя собака это умеет.

— Естественно, — довольно заявил Майк, опираясь на спинку стула. — Любая собака умеет выполнять расчеты.

У Майка были причины отнестись к моему заявлению скептически. Сложно впечатлиться животными, которые пьют воду из унитаза и могут запутаться в поводке вокруг фонарного столба. Психологи не считали собак интересными, поэтому исследований по их познавательной деятельности практически не существовало. С 1950 по 1998 год было проведено всего два глобальных эксперимента по изучению интеллекта собак, и оба выявили, что собаки не представляют собой ничего выдающегося. «Как ни странно, — писал один из авторов, — одомашнивание, похоже, не привнесло ничего нового в поведение собак»⁷. Всеобщее внимание было направлено на приматов. Логично было изучать наших родственников-приматов, которые больше всех на нас похожи и чье сознание максимально приближено к нашему в сравнении с другими животными.

Из-за склонности предполагать, что одомашнивание сделало животных менее умными, исследователи, занимающиеся проблемами когнитивной гибкости у нечеловекоподобных животных, думали, что лучше всего искать ответ в дикой природе, где выживание зависело от умения решать проблемы. Откуда у вас возьмется когнитивная гибкость, если вам не нужно думать за себя, если кто-то уже позаботился о вашей пище, крове и размножении? Но я знал своего Орео.

— Нет, правда, готов поспорить, он пройдет тест на понимание жестов.

— Ладно, — согласился Майк, подтрунивая надо мной, — почему бы тебе не провести пилотный эксперимент?

ХОРОШИЙ ПЕС

У Орео был особый талант: он мог одновременно держать во рту три теннисных мячика. Когда мы играли в «принеси мячик», я часто бросал два или три мяча в разных направлениях. После того как Орео подбирал первый мяч, он смотрел на меня, чтобы понять, куда я бросил второй. Я показывал ему жестом, и, после того как мячик оказывался у него, он снова оглядывался на меня, чтобы я указал на мяч номер три.

Чтобы продемонстрировать Майку, о чем я говорю, я повел Орео играть в «принеси мячик».

— Эй, старина, пойдём.

Орео стучал хвостом, держа во рту теннисный мяч. Когда он понял, куда мы идем, пес рванул так быстро, будто ему было вполовину меньше лет. Недалеко от нас был большой пруд, где мы с Орео играли.

Орео домчался прямо до кромки воды и залаял. И он бы лалял без остановки, если бы я не бросил мяч.

— О'кей, о'кей! Потерпи немножко!

Я вытащил огромную VHS-видеокамеру из сумки и включил ее. Забросил мяч на середину пруда, а Орео поскакал. На какой-то волшебный миг он взмыл над водой, невесомый, вне времени, раскинув лапы вперед и назад, вывалив язык из улыбающейся пасти.

Всплеск, как и всегда, был эпичным. Схватив мяч, Орео поплыл в мою сторону. Я протянул руку и указал ему налево, но в этот раз больше никаких мячей ему не бросал.

Орео не смог найти мяч слева и опять посмотрел на меня. Я указал вправо. Он поплыл направо. Мяча нет. Он снова взглянул на меня, наострив уши и приподняв брови. Я указал влево. Пес поплыл налево. Затем я позвал его, забрал мяч из пасти и снова бросил, повторив игру с указательным жестом 10 раз, чтобы Майк смог убедиться: реакции Орео — не простое совпадение.

Майк молча просматривал пленку. Затем он перемотал ее и посмотрел еще раз.

Я пребывал в нервном ожидании.

— Вау.

Его глаза горели радостным возбуждением.

— Давай и правда проведем кое-какие эксперименты.

Одинаковое поведение, характерное для двух разных личностей, может быть воспроизведено двумя совершенно разными носителями сознания, которые абсолютно не идентично понимают мир. Чтобы сослаться на комплексное сознание, вам необходимо следовать принципу бережливости⁸: вы не можете сделать вывод о сложности, пока не исключите все вероятные более простые объяснения. Опыты предоставляют нам эту возможность.

Майк научил меня, что, когда вы исследуете сознание бессловесного существа, вам подходит простота. Эксперименты — это форма постановки вопросов. Если вопрос легко понять, то и ответ, вероятно, будет ясным. Я называю это «наука клейкой ленты»: если ваше оборудование сломалось и его невозможно починить при помощи клейкой ленты, значит, эксперимент был слишком сложным.

На эксперименты над шимпанзе ушел не один месяц, хотя требовались всего-то две чашки, стол и немного скотча. Нужно было все подготовить, подождать, приготовить еду, проверить оборудование, приехать на место, где находятся животные, чтобы наблюдать, заполнять бланки, снова ждать.

В случае с Орео я перевернул две чашки и разместил их на земле в метре друг от друга.

— Сидеть.

Я спрятал под одной миской кусочек еды. Потом указал на нее.

В первый раз Орео нашел еду. Как и в следующие семнадцать.

Я БЫЛ УВЕРЕН, ЧТО ОРЕО СПРАВИТСЯ С ТЕСТОМ НА ПОНИМАНИЕ ЖЕСТОВ, НО МАЙК ОТНОСИЛСЯ К ЭТОЙ МЫСЛИ СКЕПТИЧЕСКИ. КОГДА Я ПОКАЗАЛ ЕМУ ЗАПИСЬ НАШЕГО С ПСОМ ПИЛОТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА, ОН ПРОИЗНЕС: «ВАУ».

— Орео, — произнес я, почесывая ему за ушами, пока он всем весом навалился мне на ноги, «обнимая», — ты гений.

Все эти месяцы эксперименты с жестами, проводимые над шимпанзе, ни к чему не приводили, а Орео сидел на заднем дворе и ждал, когда я дам ему шанс. Мы с Орео стали по-новому проводить время вместе. Своими экспериментальными играми я давал ему выбор, и каждый его выбор говорил мне немного больше о том, как выглядит мир глазами собаки. Когда я хотел спросить у Орео, реально он следит за моим жестом или просто чувствует запах еды под чашкой, я прятал еду аналогичным образом, но не делал жеста. Делая выбор, он находил еду в два раза реже. Без моей помощи он просто